СТИХИ ИОСИФА БРОДСКОГО, ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ Новах гоз. — 2000— 22-28 моя (м 20)— 2.23

Иногда Бродский писал друзьям и знакомым письма в стихах. Несколько из них по предложению автора и с согласия адресата были опубликованы редактором-составителем А. Сумеркиным в литературном сборнике «Портфель», который вышел в Нью-Йорке в 1996 году.

Последнее письмо не успело попасть в этот сборник.

8-е декабря 1995 г. В. П. Голышеву

Старик, пишу тебе по-новой. Жизнь — как лицо у Ивановой или Петровой: не мурло, но и не Мэрилин Монро.

Пришла зима. Застала лето. У завтра началось вчера. Теперь везде галдят, что это — ионосферина дыра.

Ах, говоря про наши церкви или мартеновскую печь, не мудрено, что нежной целки и в облаках не уберечь.

Погода, в общем, дрянь. Здоровье, умей себя оно само графически изобразить, коровье изобразило бы дерьмо.

Видать, простых конфигураций и красок возраст подвалил, крича ценителю: «Помацай!» Судьбе, видать, не до белил.

Но это, старичок, в порядке вещей. За скверной полосой идет приличная, и в прятки играешь кое-как с Косой.

Живу на Бруклинских Высотах. Заслуживают двух-трех фраз. Застроены в Девятисотых и, в общем, не терзают глаз.

Выходишь из дому и видишь известный мост невдалеке. Манхаттан— подлинный град Китеж-

с утра купается в реке.

Вид, извини за просторечье, на город как в Замоскворечьи от Балчуга. Но без мощей и без рубиновых вещей.

Вдобавок — близость океана ноздрёю ловишь за углом. Я рад, что этим дышит Анна, дивясь Чувихе с Помелом.

Я рад, что ей стихии водной знакомо с детства полотно. Я рад, что может быть

свободной ей жить на свете суждено.

Такие чувства — плод досуга. Однако, данный материк тут ни при чем: они — заслуга четырехстопника, старик.

Плюс — пятилетки жизни в браке. Представить это тяжело. Хотя до склоки или драки покамест дело не дошло.

Не знаю: дело во Всевышнем или — физический закон, но разница лет в двадцать

с лишним для хамства — крупный Рубикон.

И, так как в Цезари не метим, мы чем-то заняты все дни. Мария— Нюшкой, я— вот этим или вот этому сродни.

Там — бусурманское наречье, а тут — кириллицей грешу. То переводами увечье двум феням сразу наношу.

То — в корректуре, то в наборе,

то — в гранках. Этого опричь сейчас приволокли «О горе и разуме» сырой кирпич.

Я сочиняю из-за денег и чтоб мгновение продлить и потому что, шизофреник, привык все пополам делить.

Два языка, две пиш.машинки, живу в двух штатах; наконец, две тачки

(но одна — в починке). Старик, я все-таки Близнец,

и вижу я, объятый думой о сочинениях своих, их не собранием, но суммой неконвертируемой их.

Что хуже автора в надире чувств о себе? Он говорлив и вроде зеркала в сортире, в которое глядят, отлив.

Причина, старичок, в размере стишка: он зеркалу под стать. Взгляну в окно.

По крайней мере, в окне себя не увидать.

Везде большие перемены или — инерция с большой «И». Где гуляли джентельмены, все сильно заросло паршой

законов. В местном кислороде немыслимо послать на «Х», и человечество в природе распространилось вроде мха.

Людей теперь везде избыток. Их больше, чем у Бога дней. В лицо запоминать, убитых оплакивать — теперь трудней.

Поэтому пирог бюджета сопротивляется ножу. Ах, имитируя поэта (какого не скажу), скажу:

«жизнь продолжается при Билле как при любом другом дебиле.» Что — шизофреника в виду имея — так переведу:

«жизнь продолжается при Боре как при любом другом приборе.» А правильно ли я сказал решит Георгиевский зал.

Распалась крупная держава. Остались просто города и села. Слева или справа лишь долгота да широта. Что, может, к лучшему. От части

рассудку менее вреда нежли от целого, из пасти которого бежать — куда?

И, скажем, вечером в Батуме, не говоря— в Караганде, переставляя буквы в ДУМЕ,

приятно получать МУДЕ.
Так получается
в Нью-Йорке,
где, расстегнув
воротничок,

и сам я что-то не в восторге от этой шутки, старичок.

Штатник давно бы завязал. Боюсь, во мне засел Первопечатник; но я с ним иногда

Вообще — завязываю.

Я взялся за перо не с целью развлечься и тебя развлечь заокеанской похабелью, но чтобы — наконец-то речь

борюсь

про дело! — сговорить к поездке: не чтоб свободы благодать вкусить на небольшом отрезке, но чтобы Нюшку повидать.

Старик, порадуешься — или смутишься: выглядит почти как то, что мы в душе носили, но не встречали во плоти.

Жаль, не придумано машинки, чтоб, околачиваясь тут, пельмени хавать на Тишинке. Авось, еще изобретут.

Вот, что сказать хотел; но с толку был сбит движением строки.

а мне подай обиняки.

Но что сравнится с черным ходом,

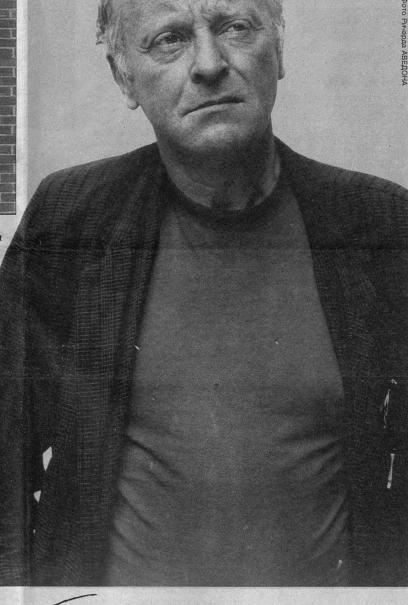
Власть — государю, чащу

когда в парадном — мусора? Целуй Старуху. С Новым Годом и с Рождеством тебя! Ура!

P.S. А вот вопрос из-за кулисы для хитроумной Василисы: «Что происходит без усилий?».

Движенье времени, Василий.

● И. Б.

Бродский с дочерью Анной (Нюшкой)